

О Шолохове с любовью

Прошло двадцать лет, как не стало автора «Тихого Дона», умершего в феврале 1984 года.

И все минувшие годы не прекращался поток публикаций, цель у которых одна - лишить Михаила Шолохова права на гениальный роман, очернить его, представить творца в маске плагиатора.

Последние такие выпады произошли в конце минувшего года. Тогда «Новая газета» поспешила отрецензировать не вышедшую книгу, написанную за границей, где на роль гения выдвигается забытый литератор Вениамин Краснушкин, редактор журнала «Донская волна». Это неожиданное открытие опровергли в той же газете авторы давней книги «Цветок-Татарник», где роль автора романа играет другой донской литератор Федор Крюков.

Кого только не пытались взгромоздить на пьедестал «Тихого Дона»? Вначале это был безымянный «белогвардейский офицер», потом вполне реальный литератор Сергей Голоушев. За ними на ту же высоту поднимались не по своей воле Иван Родионов, Вениамин Попов, Иван Мельников, Иван Филиппов. И все - возвращались на свое скромное место в русской литературе. Пытались включить в их ряд уроженца Дона, известного советского писателя Александра Серафимовича, автора «Железного потока».

Такое постоянство рождает мысль, что нет дыма без огня, раз так упорствуют ниспровергатели. Да, огонь действительно есть, но загорелся он не в станице Шолохова, а там, где его разжег мастер по разжиганию костров Александр Исаевич Солженицын. Дымом потянуло, когда в Париже вышла его стараниями небольшая книжка «Стремля «Тихого Дона». Ее не дописала покончившая жизнь самоубийством писательница, плохо знавшая тему, за которую взялась на склоне лет. Что не помешало нобелевскому лауреату графоманские заметки опубликовать со своим предисловием, комментариями и фотографиями донского литератора Федора Крюкова.

Та книжка не произвела впечатления ни на одного знатока Шолохова. Спустя год на состоявшейся научной конференции в Нью-Йорке три профессора - из Принстона, Пенсильванского университета, Колумбийского университета, а также сотрудник Русского института при этом университете единодушно отвергли версию Солженицына. Но костер не угас, в него подбросили поленьев западные радиостанции, вещающие на СССР. Свои дрова бросил в огонь бывший тогда в оппозиции к власти кандидат педагогических наук Рой Медведев, развивший версию Александра Исаевича в книге, изданной в Париже и Лондоне. Ее опубликовали не потому, что она была вкладом в литературоведение, а потому что послужила снарядом холодной войны.

В годы «перестройки» не нужно было далеко ходить, чтобы облить помоями автора «Тихого Дона». Двенадцать вечеров «Пятое колесо» Ленинградского телевидения гнало по всему СССР черную волну на Шолохова. Казалось, вот-вот выйдет из той волны, как из пены морской, Афродита Донская и вынесет на протянутых руках народу заветную рукопись. Миллионы доверчивых граждан томились у экранов, но так ничего и не увидели, потому что в это самое время черновики Михаила Шолохова хранились в Москве, в семейном архиве погибшего на фронте друга писателя.

Даже когда об этих рукописях впервые рассказала «Московская правда», дымный костер не погас. Почему? Потому что желающих подлить масло в огонь оказалось много не только на Западе, но и на родине Шолохова. В политику ринулись младшие научные сотрудники, кандидаты наук и доценты, не добившиеся в СССР успеха. Ниспровергая Шолохова с пьедестала, они решали задачу не столько литературную, сколько карьерную, политическую. Выставляя себя поборниками новой власти, они вместе с грязной водой выплеснули многое, что имело право на жизнь.

«Тихий Дон» они возмутили, и его волна накрыла с головой всех, кто пытался перегородить

мощное течение дамбой из грязи. Среди тех, кто разрушил эту плотину, кто никогда не сомневался в авторстве Шолохова, - доктор филологических наук Виктор Петелин. По его словам, «без малого 50 лет тому назад я с любовью взялся за изучение творчества М. А. Шолохова». В результате его долгой работы в Москве в издательстве «Центр-

добывал хлеб, машины, топливо. Ему месяцами не выплачивали гонорар, годами не выпускали за границу, где на счету в банках Европы лежали большие деньги за изданные во всем мире книги.

Повествование в книге Виктора Петелина идет не только о драматической жизни Шолохова, но и о трагической жизни страны. Она протекала в обстановке яростной политической борьбы, унесшей в могилу миллионы невинных душ, в их числе земляков, знакомых и друзей писателя. Виктор Петелин приводит массу документов, фактов, живописует драму, в которой писатель не пассивный очевидец, а активный участник, судьба которого не раз висела на волоске. Он мог погибнуть и в дни мира, и в дни войны, как его мать, сраженная куском металла на пороге дома.

Повествование в книге ведется главным образом вокруг трех романов - «Тихого Дона», «Поднятой целины» и «Они сражались за родину». Каждый из них рождался в жизненных муках, выпавших на долю автора. Не только Сталин, но и Брежнев не отвечал на его письма. Публикация глав романа о войне в прессе вызвала отпор аппарата ЦК партии, не желавшего знать правду о причинах «большого террора» и катастрофы 1941 года. Шолохов противостоял тоталитаризму, как его земляк Солженицын, не мог. Он не разочаровался в ленинизме, как автор «Красного колеса», из ленинца и атеиста переродившегося в антикоммуниста и православного христианина. Отношение к КПСС и СССР у нобелевских лауреатов сложилось разное. В этом причина их противостояния. Шолохов предлагал исключить Солженицына из членов Союза писателей. Солженицын отлучил Шолохова от «Тихого Дона».

У автора «Они сражались за Родину» не было ни желания, ни сил сразаться со своей партией и своим государством, которым он, несмотря на все причиненные беды, был многим обязан. Но даже незавершенный роман дал возможность Сергею Бондарчуку поставить едва ли не лучший фильм о войне, где показано, как воевал и умирал русский солдат.

На Михаила Шолохова, как ни на кого другого, советское литературоведение наложило густой «хрестоматийный гланец», под которым скрывало его истинное лицо. Система замалчивала все, что выходило за черту дозволенного цензурой. Редакторы просвечивали рентгеном каждую строчку писателя. Книга впервые дает столь полное представление об авторе гениального романа. Мы узнаем, с кем Шолохов дружил, кого любил, кроме жены и детей. Все это и многое другое автору удалось написать потому, что он не упустит из поля зрения новые документальные материалы, которые появились в печати после смерти Шолохова. Это неведомые прежде рукописи, воспоминания, письма, в том числе актрисы Эммы Цесарской, первой исполнительницы в кино роли Аксиньи. Не скрыл Петелин от читателей и признание знакомой наркома НКВД Ежова, данное на допросе, который мог плохо закончиться не только для арестованной, но и для бесстрашного, любвеобильного автора «Тихого Дона».

Михаил Петелин первую свою работу «Гуманизм Шолохова» написал сорок лет назад. Двумя изданиями - в 1974 и в 1986 годах - вышла его книга «Михаил Шолохов», так что нынешняя подводит итог многолетней работы над темой. Решил он ее двумя методами - как филолог и как беллетрист. Там, где при описании жизни Шолохова не оказывалось документов - на помощь ему приходило воображение. При всей моей неприязни к такому способу повествования хочу сказать, что пользуется автор им мастерски. Диалоги Шолохова и Сталина поражают достоверностью, и хотя знаешь, где цитируется источник, а где гудит заведенный мотор авторской фантазии, - дочитываешь диалог до конца.

Жизнь Шолохова никогда не перестанет волновать тех, кто любит русскую литературу. Потому что это большая жизнь гениального писателя. О ней интересно было писать и столь же интересно читать.

Лев КОЛОДНЫЙ.

БЕССМЕРТНЫЕ ИМЕНА

Виктор
Петелин

Жизнь
ШОЛОХОВА

Трагедия русского гения

полиграф» вышел в свет фолиант в 900 страниц под названием «Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения».

Чем отличается эта монография от всех тех, где речь идет о некоем плагиате? Она как раз и состоит в том, что автор взялся за решение нелегкой задачи с любовью. В то время как апологеты Крюкова и всех прочих кандидатов в гении писали свои разоблачения с ненавистью к Шолохову. Злость им затмила глаза и разум до такой степени, что на свет появлялись пространственные книги и статьи, полные выдумок и лжи. Эта ненависть водила пером и такого авторитета в литературе, как Александр Солженицын.

В подзаголовке книги Виктор Петелин сформулировал свою концепцию. В его повествовании Михаил Шолохов, чей путь в литературе, казалось, был устлан розами, предстает вдруг человеком, испившим до дна горькую чашу бытия. Ему досталось и от явных врагов, и от родной власти.

Ни на одного великого писателя русской литературы XX века в эфире и на бумаге не излили столько грязи, как на Шолохова. Кем только его не называли - «палачом», «прислужником режима», «антисемитом». Ни один литератор в Советском Союзе не сделал столько для народа, как он. Он спас от голодной смерти тысячи жителей Дона, уберечь от казни и лагерей сотни земляков, сам едва не угодил в застенки Лубянки.

Авторы мифов о Шолохове не устают повторять, что первые книги романа «переписаны» за год, а две последние книги эпопеи, без «чужой рукописи», вымучивались десять лет. Читая «Жизнь Шолохова», видишь, почему так произошло. Две части «Тихого Дона» на одном дыхании автор творил в тиши родного дома, и никто ему не мешал, даже в переписке с друзьями нет ни слова о романе. А третья и четвертая книги пришлось писать на виду всего СССР, в борьбе с литературными и политическими врагами, преодолевать «препоны и рогатки» советской цензуры. Молодому, 25-летнему, писателю пришлось звать на помощь Максима Горького и самого Сталина. Вместо романа ему приходилось составлять пространственные письма в Кремль, одно из таких писем в книге занимает 19 страниц! Михаил Шолохов бесстрашно сообщал Сталину о зверствах и пытках, творимых его опричниками. И в этом же письме сказано: «За пять лет я с трудом написал полнокниги. В такой обстановке, какой была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело».

Удивляться надо не тому, что скорость в работе над «Тихим Доном» поубавилась, а тому, что она вообще завершена. Шолохов не уехал из станицы, как все другие выходцы из сел и деревень, в Москву, жил среди народа. Он месяцами не мог присесть к письменному столу, потому что ходил по инстанциям,